

Время, 1861. №4

ТАРАСЪ ШЕВЧЕНКО

Parce, Liber, metuendo thyrsos!
Horat.

Боже ты мій! яка сыла
Лягла въ домовину...

*(Изъ стихотворенія, читаннаго
на могиль Шевченка).*

Увы! намъ такъ часто приходится справлять печальныя тризны по великимъ славянскимъ дѣтелямъ, что пищущій эти строки чуть-чуть было не озаглавилъ статейки своей общимъ именемъ: «Поминки» и не поставилъ римской единицы надъ именемъ послѣдняго изъ дорогихъ покойниковъ... Въ самомъ дѣлѣ, втеченіе полугода, Хомяковъ, К. Аксаковъ, Вячеславъ Ганка, Тарасъ Шевченко... и

всѣ, кромѣ развѣ Вячеслава Вячеславича, преждевременно!..

О, будетъ ли конецъ этой древней Мойрѣ тяготѣющей надъ всѣми нами, отъ Волги до Лабы, отъ Двины до Дуная? Пушкинъ, Грибоѣдовъ, Лермонтовъ, Гоголь, Мицкевичъ, Кольцовъ, Шевченко, Глинка, Брюловъ — всѣ, безъ исключенія даже старшаго изъ нихъ, Мицкевича, похищенные безжалостною смертію въ цвѣту творчества, въ полномъ могучемъ развитіи силъ, — всѣ незамѣнимые, Бѣлинскій, Грановскій, Кудрявцевъ, Челяковскій, Хомяковъ, К. Аксаковъ, даже С. Т. Аксаковъ — старый дубъ, который только что распустилъ свою широкую сѣнь — И. и П. Кирѣевскіе, Ивановъ, Мартыновъ (А. Е.); ослѣпшій, стало быть погибшій для сцены С. В. Васильевъ — всѣ явно оторванные въ ту самую минуту, когда совершенно опредѣлились ихъ отношенія къ обществу и литературѣ и отношенія къ нимъ всѣхъ ей сочувствующихъ; Языковъ, успѣвшій показать только могучія силы безъ приложенія ихъ къ общественной

жизни, а сколько силъ, скошенныхъ нещадною косою въ минуту ихъ разцвѣта — Веневитиновъ, Станкевичъ, Валуевъ... а высокіе таланты, которыхъ дѣятельность замерла при самомъ началѣ — таланты, какъ Баратынскій, съ отчаяніемъ взывавшій

Къ чему же ты стремилась и кипѣла
Развитиємъ спѣша,
Ты подвигъ свой свершила прежде тѣла
Безумная душа...

А громадныя силы, не выразившіяся какъ имъ слѣдовало бы вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ — Мочаловъ, Варламовъ, Полежаевъ, Марлинскій... Не говоримъ уже о менѣе яркихъ талантахъ, которыхъ вслѣдствіе многообразныхъ безобразій нашей дѣйствительности, отражавшихся часто въ ихъ собственныхъ, личныхъ безобразіяхъ — погубило несчетное количество (Соколовскій, Меркли, Бутковъ и т. д.) Не говоримъ о специальныхъ талантахъ — о какомъ-нибудь пѣвцѣ Евсеевѣ — по голосу и методѣ

первостепенной нашей знаменитости, недавно умершемъ въ Долговомъ Отдѣленіи, о даровитомъ Гурилевѣ, скончавшемся въ сумасшествіи, о множествѣ многихъ «ихъ же имена Господи, Ты вѣси...» А. М. Стаховичъ — въ гибели котораго, кромѣ общей ироніи Мойры надъ нашими талантливými людьми, отозвалась еще кромѣ того — ядовито и ни мало неостроумно какая-то общественная иронія...

Все это грустные, даже горькіе факты, способные въ иную минуту внушить печальную мысль объ особомъ отдѣлѣ «Поминокъ» въ журналѣ!..

Да, поневолѣ повторишь то, что сказалъ Погодинъ въ своей статьѣ о Хомяковѣ: (*) «Странная, удивительная судьба написана кажется вверху нашему времени. Какъ будто тамъ, въ воздухѣ, высоко, борются между собою два наши начала, доброе и злое, враждебныя между собою, и мы, подобно троянамъ, поражаемымъ невидимыми стрѣлами Аполлона,

(*) «Русская Бѣседа». 1860 г. Томъ II.

чувствуемъ только на себѣ, на нашихъ тѣлахъ, въ нашихъ душахъ, въ нашихъ обстоятельствахъ, когда побѣда склоняется на противную намъ сторону, вопреки всѣмъ соображеніямъ, положеніямъ и расчетамъ. Иначе объяснить нельзя, что съ нами ежедневно случается...»

Можетъ быть — объяснить—то и можно, можно уловить законы этой мистической Мойры, да во первыхъ такое объясненіе завлекло бы насъ слишкомъ далеко и при томъ покажется многимъ мистическимъ, а во вторыхъ потребуетъ сводки фактовъ трагическихъ, какъ указанные нами, съ фактами именно горькими и страшными, но по формѣ своей комическими; можетъ быть, оно подыметъ вопросъ о томъ, почему напримѣръ хоть тотъ же самый констатирующій трагическій фактъ, мыслитель, представляетъ собою хаотическую смѣсь передовыхъ силъ съ гнилью отсталыхъ предрассудковъ, — почему гласность обратилась у насъ въ развитіе убѣжденія на счетъ близости платка гоголевскаго Кочкарева, почему

наши протесты против условной нравственности кончаются полу–мѣщанскою, полу–ямскою выходкою Камня–Виногорова?.. Повторяемъ, что трагическое и комическое выражаютъ собою въ сущности одинъ законъ, законъ неустановившагося броженія силъ. То пѣна брызжетъ черезъ край, то пузыри комически лопаются, то отсадокъ явно говорятъ намъ, что мы можетъ быть черезъ чуръ далеко хватили!.. И отъ этого, дѣйствительно какъ говорить далѣе Погодинъ: «Вездѣ замѣшательство, неизвѣстность, неопредѣленность, сомнѣніе», и заключаешь тѣмъ, что не вѣришь никому и ничему, а между тѣмъ вдали громъ гремитъ; перекаты его порою слышатся ближе и ближе, вонъ ужъ сверкаютъ и молніи.»

«И падаютъ» — повторимъ его же слова, «наши лучшіе, благороднѣйшіе люди, мыслящіе, чувствующие, тѣ на которыхъ отдыхалъ взоръ, о которыхъ сладко было думать, которые однимъ именемъ своимъ доставляли утѣшеніе, падаютъ безъ всякихъ

достаточныхъ причинъ. Не успѣешь схоронить одного, рой могилу другому, невыпуская изъ рукъ заступа, и готовься оплакивать третьяго...»

Увы! это такъ — равно какъ вѣрно отмѣчено въ той же статьѣ и то, отчасти уже комическое по формѣ своей обстоятельство, хотя и далеко не комическое по своимъ послѣдствіямъ, что: «У насъ нѣтъ враговъ, нѣтъ и злодѣевъ между нами, подобныхъ какимъ-нибудь древнимъ страшилищамъ, а все-таки мы должны безпрестанно оглядываться, чтобъ какою-нибудь дружескою рукою не хватили насъ въ високъ, чтобъ какимъ-нибудь доброжелательнымъ ударомъ не раскроило лба!» Все это глубоко вѣрно и, какъ бы въ подтвержденіе вѣрности взгляда мыслитель, высказавшій столь вѣрный и горькій взглядъ, по старымъ предразсудкамъ — *позабываетъ* между именъ дорогихъ покойниковъ — дорогое имя Бѣлинскаго!..

Значеніе утраты, которую славянскія литературы понесли въ Тарасъ Григорьевичъ Шевченкѣ — если не равносильно съ утратами, понесенными ими въ Пушкинѣ и Мицкевичѣ — представителяхъ славянства передъ цѣлымъ человѣчествомъ, — то во всякомъ случаѣ нисколько не меньше значенія утраты Гоголя и Кольцова (*).

Что Тарасъ Шевченко былъ великій поэтъ, въ этомъ сомнѣваться можетъ только газета «Вѣкъ» — на столь же *разумныхъ* основаніяхъ, на какихъ не сочувствуетъ она Шиллеру. Но что съ другой стороны Тарасъ Шевченко былъ только заря, великій поэтъ только что начинающейся литературы, поэтъ исключительно народный, поэтъ, о которомъ трудно сказать — послѣдній ли это изъ слѣпыхъ кобзарей или первый изъ

(*) Такъ-какъ у насъ во всемъ и всегда нужно оговариваться, то и спѣшимъ сказать, что равносильность этой утраты мы признаемъ только относительно малороссійской литературы, въ которой Тарасъ Шевченко занималъ огромное мѣсто.

мастеровъ и художниковъ, такъ наивна его красота и вмѣстѣ такъ уже артистична, — это тоже не подлежитъ кажется спору. По красотѣ и силѣ, многіе поставляли его наравнѣ съ Пушкинымъ и Мицкевичемъ: мы готовы идти даже дальше въ этомъ — у Тараса Шевченки есть та нагая красота выраженія народной поэзіи, которая только развѣ искрами блистаетъ въ великихъ поэтахъ художникахъ, каковы Пушкинъ и Мицкевичъ, и которая на каждой страницѣ «Кобзаря» поразитъ васъ у Шевченки... Шевченко еще ничего условнаго не боится; нужны ему младенческій лепетъ, народный юморъ, страстное воркованье, онъ ни передъ чѣмъ не остановится, и все это у него выйдетъ свѣжо, наивно, могуче, страстно или жартливо какъ самое дѣло. У него дѣйствительно есть и уносящая, часто необузданная страстность Мицкевича, есть и прелесть пушкинской ясности — такъ что дѣйствительно, по даннымъ, по силамъ своего великаго таланта, онъ стоитъ какъ бы въ серединѣ между двумя великими представителями славянскаго духа. Натура

его поэтическая шире своею многосторонностью природы нашего могучаго, но односторонняго какъ сама его родина — представителя русской Украины, Кольцова; свѣтлѣе, проще и искреннѣе природы Гоголя, великаго поэта Малороссіи, поставившаго себя въ ложное положеніе быть поэтомъ совершенно чуждаго ему великорусскаго быта... Да! Шевченко — послѣдній кобзарь и первый великій поэтъ новой великой литературы славянскаго міра. Да! устами этого своего перваго великаго поэта, Украина безъ самохвальства могла сказать:

Наша дума, наша пісня,
Не вмре, не загине..
Отъ де, леде, наше слава
Слава України!
Безъ зльота, безъ каменѣ
Безъ хитрої мльви,
А голосна та правдѣва,
Якъ Господа слово... (*)

(*) Наша дума, наша пісня
Не умреть, не сгинетъ

А было же время и было недавно, когда не Сеньковскіе только, а люди какъ Бѣлинскій отрицательно–враждебно и насмѣшливо относились, во имя централизаціонныхъ началъ, — къ существованію малороссійской литературы, забывая и богатство самобытно–развившагося языка и сокровища народной поэзіи... Было это время господства теоріи — и пусть бы оно, это время, отразилось только въ заблужденіяхъ теоретическаго мышленія... Жертвою его былъ высокій художникъ, былъ Гоголь. Значеніе его въ русской литературѣ хотя и огромное, есть однако значеніе преходящее и станетъ современемъ совершенно историческимъ. Значеніе его въ родной его литературѣ было бы вѣчное, народное — и какъ вполнѣ народное вѣроятно столь же міровое какъ значеніе Данта. Теперь же, то

Вотъ люди наша слава,
Слава Украины
Безъ золота, безъ камней
Безъ искусной рѣчи,
А громка и правдива
Какъ Божіе слово.

малороссы (какъ г. Кулишъ) уже упрекають его — и повидимому справедливо, въ неточности или излишней яркости красокъ, то мы, русскіе, видимъ уже гиперболическій и односторонній, хотя могущественный и геніальный юморъ въ его отрицательной манерѣ изображенія и совершенно отрицаемся отъ его положительныхъ идеаловъ.

Заявляя — пока еще безъ пространныхъ разсужденій и доказательствъ такой взглядъ на Гоголя и такое сочувствіе къ искреннему и великому таланту Шевченки — мы поспѣшимъ однако оговориться на счетъ общаго сочувствія нашего къ литературѣ Малороссіи.

Литературу Малороссіи мы видимъ пока только въ ея растительныхъ народныхъ сокровищахъ, въ великихъ художественныхъ элементахъ Гоголя, пожалуй въ грубыхъ зародышахъ натурализма Нарѣжнаго и жарта Котляревскаго, въ задаткахъ добродушнаго юмора Основьяненки, юмора, который надобно однако отыскивать въ морѣ

непроходимой пошлости, равносильной съ Загоскинской пошлостью... но ничего не можетъ бытьъ намъ противнѣе того узкохотцакаго, того односторонняго, жалостнаго и хныкающаго, что вторглось было въ нашу литературу съ повѣстями Марка Вовчка, но что конечно къ нашей, уже опредѣлившейся литературѣ, не могло привиться несмотря на то, что повѣсти Марка Вовчка и переданы были намъ переводчикомъ, стоящимъ неизмѣримо выше ихъ автора, не смотря на любовь нашу къ Тургеневу, не смотря на умную статью о Маркѣ Вовчкѣ г. –бова, которая тоже, хоть мы и не всегда согласны съ ея даровитымъ авторомъ, гораздо выше всѣхъ повѣстей Марка Вовчка взятыхъ вмѣстѣ... Удивятся можетъ быть, что въ числѣ элементовъ будущаго малороссійской литературы, мы не упомянули блистательныхъ элементовъ таланта г–жи Кохановской. Но у г–жи Кохановской кромѣ имени, да и то кажется псевдонимъ — ни въ манерѣ, ни въ краскахъ, ни въ симпатіяхъ нѣтъ ничего

малороссійскаго. Это такой же талантъ, порожденный почвою великорусской Украйны, какъ Кольцовъ съ одной стороны, Тургеневъ съ другой. Въ ней все — совершенно русское: и взглядъ на жизнь и тонъ живописи. Самыя пѣсни и преданія, подъ вліяніемъ которыхъ сложилось развитіе этого яркаго таланта, ею самой переданныя въ двухъ статьяхъ «Русской Бесѣды», суть русскія пѣсни и преданія. Они-то и оставили ту яркую золотую пыль на ея краскахъ — которая невольно поражаетъ всѣхъ въ ея произведеніяхъ, которой она иногда, какъ въ «Портретной галлерей», готова злоупотреблять съ страстной наивностью артистки...

Сочувствуя зарѣ литературы Малороссіи, мы вѣримъ и имѣемъ всѣ логическіе поводы вѣрить, что заря эта не погасла съ «батькой орломъ сизымъ.» Многострадальный орелъ «утнуль» въ далекую безконечность, но поэтическій геній его родины съ нимъ только что началъ, а не кончилъ своего полета... Почему мы знаемъ, что

наслѣдника по себѣ, если не равносильнаго, то все—таки достойнаго, не оставилъ покойный Тарасъ Шевченко въ поэтѣ, котораго надгробная пѣсня Шевченкѣ запечатлѣна такимъ очевиднымъ и такимъ наивнымъ талантомъ? Мы могли запомнить изъ нее только нѣсколько стиховъ, кромѣ двухъ поставленныхъ нами эпиграфомъ, и ими окончимъ поминки наши по великомъ, отшедшемъ на покой литературномъ собратѣ...

И та пѣсня прошла въ
душу

Старому и дытыни,
И дывчинѣ ще кохала
И зрады дознала...
Удовици съ діточками
Що хлиба крычала...

Твоя жь пѣсня — плачь
янголя

За кажнаго долю,
Кажну душу прыгортае

Якъ матуся доню. (*)

О дай же Богъ, скажемъ мы въ заключеніе, чтобы не умолкла эта святая пѣсня, дай Богъ чтобъ въ поэтѣ, характеризовавшемъ ее съ такою силою и правдою, не умиралъ хоть ея отголосокъ!.. Да звучить она въ немъ живою «вѣчною памятью» великому кобзарю Украины — Тарасу Шевченкѣ!

А. ГРИГОРЬЕВЪ

(*) И эта пѣсня проникла въ душу

Старцу и юношѣ

И дѣвицѣ которая любила

И узнала горе

Вдовѣ съ дѣтьми

Которая просила хлѣба.

Твоя пѣсня — плачь Ангела

По долѣ cadaго

Приголубливаетъ каждую душу

Какъ мать свое дитя.